

Она наконец поняла, что причина её разочарования кроется в том, что Девятое высочество видит в ней не равную себе, а всего лишь прислужницу, такую же, как те дворцовые служанки и нянки!

Именно этого Гу Шэн не могла стерпеть.

Если бы это была она из прошлой жизни, то, конечно, приняла бы своё положение смиренно.

Однако теперь, когда она уже была с Цзян Хань, она точно знала: только если другой человек видит в ней равную, она может существовать как личность, а не как игрушка.

Чтобы этот высокомерный императорский аристократ встал на её место и задумался о её чувствах, необходимо одно условие — равенство!

Когда Гу Шэн осознала это, разочарование в её душе сменилось волнением. Она знала, что делать дальше: ей нужно было изменить отношение к себе у этого маленького существа.

Гу Шэн начала тщательно анализировать мышление и привычки Девятого высочества.

При детальном рассмотрении она поняла, что поведение этого ребёнка не так уж сложно разгадать.

Девятое высочество считало дождевых червей ценными, потому что каждый из них был добыт этим малышом под палящим солнцем, с упорством копавшим в императорском саду.

Если бы драгоценная наложница Ю обнаружила это, то не избежать бы было наказания — получит наказание в виде укуса за ухо.

Таким образом, для Девятого высочества эти черви были своего рода трофеем, добытым с риском и трудом.

А золотые и серебряные украшения, как для самого любимого маленького аристократа, были бесконечными и не требовали никаких усилий, поэтому Девятое высочество естественно не считало их ценной наградой.

Гу Шэн, думая об этом, невольно улыбнулась.

В конце концов, дети всегда остаются детьми. Их мысли могут казаться странными, но если встать на их место и посмотреть на мир их глазами, всё становится ясным.

Что касается нелюбви к запахам косметики, то это, скорее всего, изменится, когда этот маленький негодяй подрастёт.

Гу Шэн также не беспокоилась: пока ещё не время показываться перед Цзян Хань, и ей не нужно было особенно наряжаться.

Самое сложное — это заставить Девятое высочество увидеть в ней нечто большее, чем обычную служанку.

Судя по описанию Восьмой принцессы, Девятое высочество, помимо инстинктивной зависимости и страха перед Драгоценной наложницей Ю, относилось к другим принцам, принцессам и даже к самому императору довольно... своевольно.

Гу Шэн слегка растерялась, так как никогда не имела дела с детьми.

В прошлой жизни она хотела завести ребёнка с Цзян Хань, но почему-то их попытки не привели к глубокой метке.

Гу Шэн никогда не испытывала пассивной течки, и это стало главной причиной их разногласий с Цзян Хань.

Она считала, что это было связано с тяжёлой болезнью, которая разрушила её органы, отвечающие за выделение и восприятие феромонов.

Цзян Хань никогда не утешала её в этом, а однажды, в состоянии опьянения, даже прямо выразила обиду, что Гу Шэн её не любит, что чуть не довело Гу Шэн до самоубийства, но её вовремя остановили.

В ту ночь, слушая, как Цзян Хань с рыданиями извиняется, Гу Шэн чувствовала, как сердце разрывается от боли. Она ненавидела своё изуродованное тело, которое не могло удовлетворить потребности любимого человека.

Теперь у неё было новое, здоровое тело, и Гу Шэн была уверена, что сможет исправить ошибки прошлого!

Думая о том, как она и Цзян Хань родят здорового ребёнка, мысли Гу Шэн унеслись далеко-далеко, и на душе у неё стало сладко, как мёдом.

На кого будет похож их ребёнок?

Гу Шэн с сладкой улыбкой вспомнила, как Девятое высочество было завернуто в одеяло — такой маленький комочек, с нежными глазами и вздёрнутым носиком...

Стоп!

Почему её ребёнок с Цзян Хань должен походить на этого негодяя!

Гу Шэн очнулась, раздражённая этой странной ассоциацией, и, боясь разбудить спящую рядом Госпожу Янь, тихо отодвинулась в сторону, стараясь успокоиться с помощью глубокого вдоха, но сердце всё ещё бешено колотилось.

Чем больше она старалась не думать, тем сильнее разыгрывалось воображение. Гу Шэн свернулась калачиком, словно читая молитву, чтобы отогнать дурные мысли, и без устали повторяла про себя имя Цзян Хань.

Внезапно в её голове всплыл момент, когда Цзян Чэньюэ откинула занавеску её паланкина.

Тёплый солнечный свет, разбитый фигурой девушки на мелкие лучи, падал на её лицо и тело. Лицо Цзян Чэньюэ, подобное лику небожителя, было скрыто в тени, но её величественная аура всё равно ощущалась.

Эта мелочная особа ушла только после того, как Гу Шэн выразила благодарность.

Гу Шэн не могла поверить, что этот бестактный аристократ приходится сестрой Цзян Хань.

Гу Шэн поняла, что её воспоминания хлынули наружу, как вода прорвавшейся плотины, и перестала их сдерживать, позволив мыслям течь свободно.

Неизвестно сколько времени прошло, и она всё ещё не спала, когда услышала мягкий голос

Госпожи Янь:

— Шэн, хорошая, вставай, пора в академию.

Гу Шэн, с тёмными кругами под глазами, неохотно открыла глаза, встала и оделась.

Поскольку ночная бабочка была подарком Девятого высочества, её пришлось надеть в академию. Госпожа Янь и горничные долго мучились, но всё же прикрепили её к причёске Гу Шэн, укрепив несколькими невидимками.

Они также не забыли наказать Гу Шэн быть внимательной и ни в коем случае не потерять этот аксессуар.

Гу Шэн, глядя на своё отражение в медном зеркале, где ночная бабочка была почти закована в цепи, невольно усмехнулась и безнадёжно кивнула.

Каждый день она ездила в академию на своей карете, где неизбежно сталкивалась с Гу Жао.

Они долгое время поддерживали видимость спокойствия, и ничего особенного не происходило.

Но сегодня Гу Шэн, даже не желая того, была ослеплена огромной горой украшений на голове Гу Жао...

Что задумала эта девица?

Гу Шэн, недоумевая, залезла в карету, а Гу Жао, которая обычно держалась высокомерно, лишь взглянула на её причёску, как вдруг её лицо стало багрово-синим, словно она хотела провалиться сквозь землю.

Гу Шэн, вчера погружённая в свои мысли, не участвовала в «соревновании украшений», и теперь, увидев странную реакцию Гу Жао, долго не могла понять, в чём дело, пока не вспомнила о ночной бабочке на своей голове...

Ну что ж, Гу Жао на этот раз действительно опозорилась до предела.

Если бы она увидела ночную бабочку раньше, то, вероятно, сегодня предпочла бы выйти на улицу с абсолютно чистым лицом, не надев ни одного украшения, лишь бы не выглядеть сейчас так жалко рядом с Гу Шэн, у которой на голове был всего один этот аксессуар.

Гу Шэн лишь приподняла брови, покачала головой и усмехнулась, затем повернулась к оконной шторе.

Её спокойствие ещё больше смутило Гу Жао, которая, пока Гу Шэн смотрела в окно, начала тихо снимать с себя все шпильки и украшения.

Когда карета подъехала к воротам Императорской академии, на голове Гу Жао осталась только одна скромная нефритовая заколка.

Гу Жао не произнесла ни слова, и, войдя в академию, сразу же попрощалась с Гу Шэн и поспешно убежала, прижав хвост.

В душе Гу Шэн по-прежнему царил покой. Она прокручивала в голове план действий по отношению к Девятому высочеству, а на лице то и дело появлялись улыбки и гневные гримасы, стремясь к идеальной игре, чтобы в нужный момент ошеломить малыша, но не тут-то было...

Гу Шэн заметила, что, когда она вошла в арку второго двора, неподалёку стояло несколько человек.

Погружённая в «репетицию», Гу Шэн смотрела невидящим взглядом и не обращала внимания на окружающих.

Только когда один из слуг указал на неё и закричал:

— Ваше Высочество, смотрите! Она снова улыбается! Улыбается!

Гу Шэн поняла, что за ней наблюдают, как она «то хмурится, то улыбается», и слегка смутилась, но... кто это — «Ваше Высочество»?

Прежде чем она успела повернуться, знакомый смех достиг её ушей, и голос произнёс:

— Забавно.

Этот голос... Цзян Хань?!

Гу Шэн с хрустом повернула голову в ту сторону и, увидев знакомую фигуру в платье светлых тонов, почувствовала, как перед глазами всё потемнело...

Она замерла на месте, словно выросла в землю, и с тоской глядела туда, где Цзян Хань всё ещё покачивала головой и улыбалась, а в душе плакала: «Неужели Вторая принцесса думает, что я сумасшедшая?»

Через мгновение Цзян Хань наклонилась к слуге, шепнула ему приказ, затем отвернулась, больше не глядя на Гу Шэн, словно специально хотела сгладить неловкость.

Гу Шэн всё ещё была погружена в раскаяние и застенчивость, когда слуга, получивший приказ, стремительно подбежал к ней, остановился прямо перед ней, ловко отвесил низкий поклон и почтительно произнёс:

— Гу, третья дочь, верно?

<http://bllate.org/book/16655/1526458>